«Работать заставляет страх мобилизации — и увольняться тоже»

22 сентября 2023

Чиновники Кемеровской области отчитываются о снижении уровня безработицы, умалчивая, что одна из причин этого достижения — стремительная убыль населения. Острый дефицит кадров испытывают даже угледобывающие компании, которые предлагают одни из самых высоких в Кузбассе зарплат. Журналисты Антон Гольц и Константин Эйшин выяснили для «Новой вкладки», почему из крупного промышленного региона Сибири уезжают специалисты. Виновата не только привычная для Кемеровской области плохая экология, но теперь ещё и война.

Этот материал выпущен в партнёрстве с онлайн-платформой dekoder

«Или поумирали, или поуезжали»

— Кто-то уволился в один день, когда только началась мобилизация: увидел, как его знакомых начали забирать чуть ли не с рабочих мест на угольных разрезах. Кто-то, наоборот, остался, потому что обещали бронь. Но в целом найти сегодня человека на имеющуюся вакансию — огромная проблема. Людей просто нет. Или поумирали, или поуезжали, — говорит специалист по кадрам одной из крупных кузбасских компаний в сфере добычи угля Александра Кондратьева *(имя изменено по просьбе собеседницы. — Прим. ред.)*.

Тем временем Кемеровостат отчитывается о сокращении безработицы. За два года, по официальным данным, она снизилась в полтора раза: с 6,2% в первом квартале 2021 года до 3,9% за аналогичный период 2023 года. В мае — июле 2023 года, как сообщает Кемеровостат, безработица в Кузбассе была на уровне 4,2%.

На сайте администрации правительства Кемеровской области и в СМИ другие цифры: кемеровский губернатор Сергей Цивилёв в июле 2023 года доложил главе Минтруда РФ Антону Котякову об уровне безработицы в 0,8%. Эту новость опубликовали многие местные СМИ, некоторые под заголовком «Социальная защищённость в действии».

Однако этот показатель не говорит о позитивных тенденциях в экономике Кузбасса, пояснил представитель регионального Минтруда, согласившийся дать комментарий «Новой вкладке» на условиях анонимности. Увеличившийся процент занятых он объясняет, в частности, снятием ограничений после пандемии.

— В 2020 году без работы остались около 8–10% наёмных сотрудников в целом по рынку, а в сфере обслуживания эта цифра была как минимум раза в два выше. Сейчас вновь открылись какие-то магазинчики, кафе, ателье всякие и прочая мелочёвка. Это неизбежно привело к возобновлению найма на работу тех, кто в начале эпидемии оказался без работы, — пояснил собеседник.

Территория обогатительной фабрики Красногорская в Прокопьевске

Беседы со специалистами по кадрам в нескольких крупных компаниях Кузбасса подтверждают слова регионального чиновника. По мнению Александры Кондратьевой, нехватка кадров в сфере угледобычи отражает общерегиональные проблемы, поскольку уголь для региона — ключевая отрасль:

— Я теперь невольно дергаюсь, когда кто-то из наших сотрудников неожиданно входит ко мне в кабинет. Первая мысль: а вдруг надумал увольняться? Причём неважно, кто это: инженер, программист или простой рабочий. Найти сегодня на рынке кого-то взамен очень сложно. А после начала СВО и мобилизации и вовсе нереально.

Кондратьева рассказала, как два программиста в их компании дважды пытались в этом году уволиться: говорили, что им предложили более высокооплачиваемую работу. Чтобы не потерять сотрудников, им оба раза повышали зарплату, а до конца года обещали поднять ещё: в общей сложности рост составит более 50%.

— Деваться некуда. Получается, что не работодатель определяет условия по оплате труда, а работник. И это касается не только программистов,

и не только в нашей компании — так по всему Кузбассу. У меня много знакомых кадровиков, большинство говорят одно и то же. Все [работники], кто мог, просто уехали. Кто-то в Новосибирск, кто-то в Москву или Санкт-Петербург, здесь остались единицы, — поясняет Кондратьева.

По её мнению, в ближайшие годы ситуация в регионе будет ухудшаться, потому что «молодёжь не заманить ни за какие деньги». Средний возраст работников их компании приближается к 55 годам.

Районы Прокопьевска находятся на большом расстоянии друг от друга. Поэтому трамвай для города является жизненной необходимостью

— Ещё несколько лет — и те, кто сейчас работает, уйдут на пенсию. И всё, молодых на рынке практически нет. У меня, например, самый молодой на предприятии — 45 лет. И таких на пальцах одной руки можно пересчитать. Да что говорить! У меня подруга — директор школы. Её начальство похвалило недавно за то, что впервые за несколько лет чуть больше половины выпускников остались в Кемерове и поступили в местные вузы, а не как обычно — несколько человек. Но это не ломает общей тенденции последних как минимум двадцати лет. Просто молодёжь и люди более старшего возраста не видят будущего в родном регионе, — подытожила Александра Кондратьева.

«Начали пугать, что снова народ на эту СВО будут силой гнать»

О поиске работы и будущем региона журналист «Новой вкладки» поговорил с теми, кто в Кузбассе стоит на учёте по безработице. Один из мужчин, с кем удалось пообщаться в кемеровском Центре занятости населения, представился «шахтёром Никитой из Прокопьевска». Ему почти сорок лет, из них около одиннадцати он проработал в своём городе на угледобывающих предприятиях, остальное время — на позициях, так или иначе связанных с этой отраслью. Недавно Никита переехал в Кемерово. По его словам, временно.

— Потом решу, куда дальше. Работал на разрезе, у меня бронь, у других — тоже. Мне повезло: меня не забрали прошлой осенью в Украину. Но я лично знаю людей, кому не повезло: забрали с бронью. И не одного или двух — больше. Кто-то уже «приехал» на собственные похороны, кто-то ещё не вернулся. Хотя у многих бронь была. Честно говоря, не очень в этом разбираюсь. То ли была, то ли в кадрах обещали, что будет. Короче, народ «забрили» — и всё. Я тогда прошлой осенью перекрестился, когда всё это с мобилизацией закончилось. А тут начали пугать, что снова народ на эту СВО будут силой гнать, — рассказал Никита.

Из-за этого он «на всякий случай» съехал со своей квартиры и сдал её в аренду. Говорит, что у него нет ни семьи, ни официальной работы, так что в этом плане ему легче.

Остановка общественного транспорта на проспекте Ленина в Кемерово

По словам Никиты, он уже давно хотел уехать из Прокопьевска, хотя «нигде, кроме как на угле, работать не умеет». С начала войны он столкнулся с тем, что на его предприятии, которое считается одним из самых престижных в Кузбассе, стало «что-то происходить»:

— Зарплату подрезали, но втихаря. Типа снизили выработку, потому что, как говорит руководство, продавать стало сложнее. Меньше выработка — меньше премия. Оклад пока вроде не трогали, а премию сократили. А это сразу процентов 25 в минус. Что будет дальше — слухи разные ходят. Бригадир мой говорит, что всё, приплыли.

Ремонт дорог в Прокопьевске — долгожданное событие

Никита считает, что раз даже в их компании «начались такие непонятки», это верный признак проблем в экономике региона.

— Вы сами приезжайте в Прокопьевск, всё увидите. Все говорят в телевизоре, особенно областные власти, что Прокопьевск — главный угольный город Кузбасса. А толку? Две недели назад ехал на машине по центру города — пробил колесо в огромной яме. И такие ямы по всем нашим дорогам. Ни область, ни город ничего не делают. Вроде как денег нет. Как нет-то? Мы же уголь добываем? Добываем! ДК городской разрушается, дорог нет, народ пьёт.

Автобусный маршрут 115 связывает два шахтёрских города Кузбасса — Киселёвск и Прокопьевск

Никита удивляется, что даже перед главным региональным праздником — Днём шахтёра, который отмечался в последние выходные августа, «никто ничего не ремонтировал». Никита сделал вывод, что надо уезжать.

— Делать там в Прокопьевске нечего. Совсем нечего. А я пожить хочу. И на войну не хочу. Пока побуду в Кемерове. Но, думаю, надо ехать. Не знаю только куда. У меня родня есть в Кыргызстане, в Чолпон-Ата. Это городок такой на озере Иссык-Куль типа нашего Прокопьевска. Но там и экология хорошая, курорты, горы. Красиво! С работой, конечно, проблемы могут быть, но родственники должны помочь. Конечно, трудно вот так сорваться и всё бросить, но греет одно: пока повестку не получил, значит, могу из России уехать. Значит, пока свободен, — рассуждает Никита.

Таких, как Никита, мечтающих уехать из Кузбасса, немало. Население региона сокращается с начала 1990-х — за счёт миграции и смертности. По данным Росстата, с 1991 по 2023 год оно уменьшилось с 3,1 млн человек до 2,5 млн. При этом темпы сокращения населения по сравнению с 90-ми годами выросли.

По итогам первого полугодия 2023 года Кузбасс остаётся лидером среди сибирских регионов по естественной убыли населения. Смертность в регионе почти в два раза превышает рождаемость. А отток населения из Сибири — тенденция последних тридцати лет, в основном уезжают люди трудоспособного возраста.

Рисунок на остановке «Шахта Красногорская» в Прокопьевске

HR-специалист из Кемеровской области Елена Маклакова *(имя изменено по просьбе собеседницы. — Прим. ред.)* говорит, что проблемы с поиском сотрудников начались как минимум лет пять-семь назад, а после начала СВО людей стало «трудно заманить даже относительно нормальной зарплатой». Например, стало сложно найти экскаваторщиков и водителей БелАЗа, хотя это одни из самых высокооплачиваемых позиций на угольном разрезе. К примеру, разброс зарплат экскаваторщиков в вакансиях на сайте HeadHunter составляет от 110 до 180 тысяч рублей, а водителям БелАЗов обещают до 200 тысяч. Это в два-три раза выше средней зарплаты по региону.

Мужчина ждёт кого-то в автомобиле возле стихийного рынка в Прокопьевске

— У нас забрали под мобилизацию относительно немного людей, а вот у моей коллеги, которая работает на одном из крупнейших разрезов в Кузбассе, — сразу 50 человек. Только представьте! Это больше 10% от общей численности коллектива, если считать именно рабочих, без инженеров. Кто после такого захочет устраиваться на этот разрез? При том, что формально многие угольные предприятия имеют бронь на часть своих работников, но ведь сегодня она есть, а завтра — никто не знает, что будет. Вот и получается, что кого-то работать заставляет страх мобилизации, а кого-то он же — увольняться, — рассказывает Елена Маклакова.

Массовую мобилизацию среди угольщиков она объясняет тем, что на крупных предприятиях кадровая документация ведётся в соответствии с требованиями российского законодательства, а малые предприятия могут позволить себе небольшие «отступления». Например, в том, что касается передачи в военкоматы данных на сотрудников.

Типичная уличная реклама в Кемерово

— Когда война началась, все кадровики обсуждали одно: что делать с передачей данных в военкоматы. Многие мужики приходили и говорили: если будете передавать на меня документы — увольняюсь. И многие кадровики не передавали, потому что штраф был до пяти тысяч максимум, — поясняет Елена Маклакова.

С 1 октября 2023 года этот штраф увеличится в несколько раз, поэтому вариантов, по словам Маклаковой, не останется: такие суммы предприятиям не осилить:

— Люди это осознают и уже сейчас отказываются идти к нам. И я их понимаю: кому хочется домой в гробу вернуться. А таких примеров, увы, хватает. На угольном предприятии, где работает моя подруга, мобилизовали пятерых человек, двоих уже привезли [погибшими]. Получается, смертность там составила 40%. Кому хочется попасть в это число?

«Думаю, для меня найдётся что-то в Казахстане»

48-летняя Надежда Беляева *(имя изменено по просьбе героини. — Прим. ред.)* работала в Кемерове учительницей, но уволилась из школы, потому что не хотела вести урок «Разговоры о важном». Её журналист «Новой вкладки» тоже случайно встретил в центре занятости. По словам Надежды, к «Разговорам о важном» в школах относятся по-разному: где-то эти уроки обязательны и учителя должны следить, чтобы дети их посещали, а где-то «всё понимают и смотрят сквозь пальцы». В их школе, рассказывает Надежда, директор оказалась «слишком рьяной»:

— Я не стала ничего говорить, чтобы хуже мне не было, просто заявление написала. Встала на биржу труда, посмотрю, подумаю. В школу пока не хочу точно. Плюс у меня муж — шахтёр, горняк, деньги пока есть. Но мы с ним, мягко говоря, не поддерживаем войну, поэтому нам трудно. Даже поговорить не с кем. Да и страшно. Кругом все сильно любят Путина и нашего губернатора Цивилёва. А лично меня с этого воротит.

Рекламы с приглашением на контрактную службу в Прокопьевске хватает

Надежда говорит, они с мужем и раньше уже думали об отъезде из страны, а когда возраст для мобилизации подняли до 55 лет, задумались всерьёз.

— Мужу 53 года, так что риски есть, сами понимаете. Он сейчас усиленно ищет работу в Казахстане — там тоже угольщики нужны. Да и я смогу, если что, там в русскоязычную школу вернуться, — говорит Надежда.

Пока она отмечалась на бирже труда, у крыльца здания в машине её ждал муж. Познакомившись с журналистом «Новой вкладки», «будущий эмигрант», как называет себя Анатолий *(имя изменено. — Прим. ред.)*, пригласил нас в гости.

Баннер на стене краеведческого музея в Прокопьевске напоминает, что у города есть побратим — украинская Горловка

Небольшая трёхкомнатная квартира почти в центре города с хорошим ремонтом, в подъезде консьержка.

— Вот там (Анатолий показывает из окна на площадь Советов, где находится городская и региональная администрация) нам говорят, что все кузбассовцы за войну и готовы хоть сейчас туда пойти. А вот там (Анатолий показывает на самый край площади) экраны стоят, там раз в несколько минут появляется надпись «Кузбасс за Путина!» И как мне с этим жить? Враньё ведь. За какого

Путина? Который войну начал? Который столько уже народу истребил — и своих, и чужих? Я не хочу умирать. Да никто не хочет из тех, с кем по душам можно поговорить. Бред это всё. И других убивать — вряд ли кто-то в здравом уме может это представить.

На Советской площади в Кемерово транслируют цитаты Путина и рекламу горячей линии по лесным пожарам

Анатолий говорит, что полностью поддерживает увольнение жены: «Не надо к этому дерьму даже длинной палкой прикасаться». А когда подняли возраст для мобилизации, ничего не оставалось, по его словам, как готовиться к отъезду, потому что на войну он не пойдёт, а в тюрьму не хочет.

— Квартиру, машину, наверное, жалко, но я ж продам это. Пусть ниже рынка, но продам. Жаль, что рубль так сильно упал. Но всё лучше, чем ничего. Я в себя верю, я ещё заработаю, тем более что опыта у меня много. Думаю, для меня найдётся что-то в Казахстане. Дальше поедем вряд ли, но туда — почему нет? — делится мыслями Анатолий.

Автобус отвозит рабочих на угольный карьер в Прокопьевске

Рассказывая о планах, супруги показывают квартиру. Отдельная гордость Анатолия — просторный балкон-лоджия. Там он оборудовал небольшую мастерскую, в которой занимается ручной резкой из дерева.

Мужчина открывает вместительный встроенный шкаф — а там несколько десятков деревянных игрушек. Мастерски сделанные, блестящие под тонким слоем лака сказочные человечки, крупная рыба, трубка для табака в виде свернувшегося медвежонка, Баба-яга в ступе и с метлой.

Военно-патриотическая экспозиция перед краеведческим музеем в Кемерово

— Наде в плане интерьера всё это не очень нравится, так что делаю в основном для друзей или просто поделки складываю в шкаф, а потом иногда достаю и любуюсь. Вот их-то больше всего и жалко здесь бросать. И мою мастерскую, — расстраивается Анатолий.

— Всё, Толя, хватит, не трави себя. Решили — значит решили, — эмоционально завершает беседу Надежда. Ей тяжело думать об отъезде, но другого выхода она уже не видит.

Кузбасс для пенсионеров-охранников?

По данным сервиса HeadHunter, на август 2023 года на одну вакансию в сфере добычи сырья в Кемеровской области приходилось 1,7 соискателя. Уровень этого индекса до 1,9 включительно считается острым дефицитом кадров, поскольку далеко не каждый желающий может подойти под требования конкретной вакансии.

Показательной характеристикой положения на рынке труда является количество сфер занятости, находящихся в зоне острого дефицита кадров.

В Кузбассе, по данным HeadHunter на сентябрь 2023 года, в этой зоне находятся 11 сфер, в том числе строительство, производство, транспортные перевозки, медицина и добыча сырья. Для сравнения, в соседней Новосибирской области таких сфер пять.

Фотопринт с Иисусом Христом на одной из остановок в Прокопьевске

Ещё один безработный, с которым журналисту «Новой вкладки» удалось пообщаться в Центре занятости, рассказал, что уволился в сентябре 2022 года из-за мобилизации и теперь работает неофициально. Он решил в ближайшее время сняться с учёта по безработице и уехать из Кузбасса.

— Думаю в Питер ехать, меня знакомый позвал. Говорит, что есть для меня работа. И тоже неофициально, так что меня устраивает. Здесь получаю 20 тысяч, там обещают 50 тысяч. Сниму жильё; даже если за 30 тысяч, то останусь при своих, только в большом городе, — рассказал 34-летний Николай.

Из семи человек, с которыми журналист «Новой вкладки» поговорил в Центре занятости, только один сказал, что желает работать в Кузбассе, — 62-летний Алексей. Он хочет устроиться охранником: «Я уже на пенсии. Она маленькая, так что подработка не помешает».

Вид с набережной Кемерово на реку Томь